

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

UDK 316.36

LBC 60.561.52

Submitted: 15.10.2025

Accepted: 10.02.2026

FATHERLY LOVE: CONTRADICTION IN ADJECTO?

Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Abstract. This article explores contemporary transformations of fatherhood and fathering. Particular attention is paid to the concept of “fatherly love,” reflecting both the growing awareness of the significance of emotional warmth and openness in the father-child relationship within the context of social science development and the recognition of love as a profound dimension of the father’s experience in a non-scientific, social discourse developed by men and fathers themselves. The article presents the results of a sociological study dedicated to the exploration of the phenomenon of “engaged fatherhood” in contemporary Russian society. The findings reveal the complex process by which men are re-evaluating their own experiences of fatherhood, as well as the experiences of building relationships in their families of origin, leading them to recognize the significance of fatherly love as a fundamental foundation of parent-child relationships. The article concludes with the following points: 1. “Fatherly love” is one of the most important effects of the so-called “fatherhood revolution,” expressed in the transformation of the institution of fatherhood in the last quarter of the 20th and the first quarter of the 21st centuries. 2. “Fatherly love” is a concept rapidly entering both scientific and social discourse. 3. Legitimizing the concept of “fatherly love” within contemporary social sciences, and its gradual and conscious inclusion in scientific discussions, could positively contribute to curbing the trend of “father absence” in modern society. The concept of “fatherly love,” therefore, can, among other things, serve as an effective resource for “shaking up” binary-defining categorical schemes of emotionality and empowering men themselves to understand and embrace emotional warmth as one of the most important dimensions of their own masculine identity.

Key words: fatherhood, engaged fatherhood, fatherly love, emotional warmth, men’s studies.

Citation. Khitruk E.B. Fatherly Love: contradictio in adjecto? *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 26-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

УДК316.36

ББК 60.561.52

Дата поступления статьи: 15.10.2025

Дата принятия статьи: 10.02.2026

ОТЦОВСКАЯ ЛЮБОВЬ: CONTRADICTION IN ADJECTO?

Екатерина Борисовна Хитрук

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена исследованию современных трансформаций норм и практик отцовского поведения. Особое внимание уделяется концепту «отцовская любовь», отражающему одновременно осознание значимости эмоциональной теплоты и открытости в отношениях между отцом и ребенком в контексте развития социальных наук и осознание значимости любви как глубинного измерения отцовского опыта во внеакадемическом, социальном дискурсе, развиваемом самими мужчинами и отцами. В статье представлены результаты социологического исследования феномена «вовлеченное отцовство» в современном российском обществе. Раскрывается сложный процесс переосмысления мужчинами собственного опыта отцовства, а также опыта построения отношений в родительской семье, в результате которого мужчины приходят к осознанию значимости отцовской любви как фундаментального основания детско-родительских отношений. В статье делаются следующие выводы: 1. «Отцовская любовь» представляет собой один из важнейших эффектов так называемой «отцовской революции», выражающейся в трансформации института отцовства в последней четверти XX – первой четверти XXI века. 2. «Отцовская любовь» представляет собой концепт, стремительно внедряющийся одновременно и в научный, и в социальный дискурс. 3. Легитимация концепта «отцовская любовь» в

пространстве современных социальных наук, постепенное и осознанное включение этого концепта в поле научных дискуссий могли бы оказать положительное влияние на сдерживание тенденции «потери отца» в современном обществе. Концепт «отцовской любви», таким образом, помимо прочего, может выступать в качестве действенного ресурса, «распатывающего» бинаризирующие эмоциональность категориальные схемы и дающего самим мужчинам возможность осмыслить и принять эмоциональную теплоту как одно из важнейших измерений собственной мужской судьбы.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченное отцовство, отцовская любовь, эмоциональная теплота, мужские исследования.

Цитирование. Хитрук Е. Б. Отцовская любовь: *contradictio in adjecto*? // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 26–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.1.3>

Поскольку очень важная часть функционирования человека в качестве родителя – это нежность, забота, постоянная эмоциональная поддержка, потребность часто обнимать ребенка и говорить ему, что любишь его, то многим мужчинам сложно даются такие и подобные действия, так как они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди подрастают, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет.

Максим Костенко

Основная цель нашего исследования заключается в том, чтобы структурировать фундаментальную логику развития концепций отцовства в течение последних десятилетий, выявив индикаторы эмоциональной теплоты, проследить, как менялось отношение к практикам вовлеченного отцовства. Кроме того, важно ответить на вопрос, как изучение феномена вовлеченного отцовства способствовало легитимации концепта «отцовская любовь» в современном социологическом дискурсе? Эмпирическую базу исследования составляют результаты качественного социологического опроса, проведенного методом фокус-группы ($n = 38$, выборка целевая), позволившего ответить на вопрос, как именно современные отцы, рефлексировав по поводу неопределенности внутрисемейных ролей в современном российском обществе, приходят к осознанию важности «отцовской любви»?

Отцовство, нормы (fatherhood) и практики (fathering) мужского генеративного поведения изучаются в контексте мужских исследований (men's studies) как одного из направлений социальных наук в последней четверти XX столетия. Изначально междисциплинарное исследование отцовства исходило из пробле-

матизации участия мужчин в воспитании детей, делая акцент на значимости таких родительских компетенций, как включенность, доступность и ответственность [Pleck 2012, 243]. Предполагалось, что развитие в мужчинах чувства ответственности за благополучие своего ребенка, выражающегося в заботе о его нуждах, непосредственное взаимодействие с ним в повседневных делах, включая игры и необходимый уход, а также открытость (доступность) отца для ребенка в те моменты, когда ребенок действительно в нем нуждается, представляют собой необходимый и достаточный базис для успешного выполнения мужчиной своей отцовской роли. На основании именно таких убеждений формировалась в 80-е гг. XX в. концепция отцовской вовлеченности (the construct of paternal involvement), предложенная такими учеными, как Джозеф Плек, Майкл Лэмб, Джеймс Левайн и Эрик Чарнов [Lamb et al. 1985; Pleck, Lamb, Levine, 1985; Pleck 1987]. Однако дальнейшие исследования феномена отцовской вовлеченности привели к выводу о том, что увеличения количества времени, проведенного отцом во взаимодействии с ребенком, а также возрастания сознания ответственности по отношению к его благополучию еще недостаточно для достижения ощутимого положительного эффекта. Джозеф Плек в своих более поздних статьях, подводя итоги развития концепции отцовской вовлеченности, отмечал, что в процессе исследований стал очевидным тот факт, что указанные выше характеристики отцовского поведения способны оказать положительное влияние на развитие ребенка только в том случае, если они будут сопряжены с эмоциональной открытостью и теплотой [Pleck 2012, 249]. Отсутствие эмоциональной теплоты во взаимодействии с ребенком, таким образом,

было признано отрицательным фактором отцовского поведения.

На данном этапе эмоциональная теплота рассматривалась как значимая ценность без отсылки к такому важному культурному корреляту как любовь. До некоторых пор это обстоятельство не вызывало вопросов, хотя очевидно, что, если бы речь шла об эмоциональной теплоте в отношениях между матерью и ее ребенком, понятие «любовь» присутствовало бы в таком дискурсе изначально. Это обстоятельство стало предметом особого интереса примерно через 10 лет после описанного выше замечания Джозефа Плека – в исследовании румынского социолога Александры Махт. В своей замечательной работе 2020 г. «Отцовство и любовь. Социальное конструирование мужских эмоций» А. Махт обращает внимание на то, что употребление в контексте отцовских исследований концепта «эмоциональная теплота» вместо понятия «любовь» не является случайным. Дело в том, что в научном дискурсе (в том числе и социологическом), так же, как и в обыденном словоупотреблении, «любовь» рассматривалась ранее и продолжает рассматриваться в современности как эмоция феминизированная. Именно по этой причине и общественные дискуссии, и социологические исследования допускают рассуждения о так называемой романтической любви или любви материнской, но выражение «отцовская любовь» до последнего времени представляло собой недопустимый («антинаучный») оксюморон. А. Махт характеризует такой подход как «социологически близорукий» [Macht 2020, 13], опирающийся на устоявшиеся и в научном плане недостоверные стереотипы. Классический эссенциальный дискурс поддерживает представление об эмоциональной сдержанности и закрытости мужчин в противовес «естественной» женской эмоциональности. Такое распределение «эмоциональности» между полами, с точки зрения А. Махт, является идеологически ангажированным, поскольку символически удерживает мужественность в контексте дискурса доминирования, предполагающего отстраненный и авторитарный стиль поведения, а следовательно, его нерелексивная поддержка препятствует развитию и внедрению в социальное пространство концепта отцовской

вовлеченности. В конечном итоге именно освобождение научного подхода от оптики доминирования (в контексте описываемой ситуации от фемининных коннотаций любви) должно способствовать приближению к пониманию новой реальности, воплощающейся в современных практиках вовлеченного отцовства, и корректной ее концептуализации. Отцовство, согласно А. Махт, не представляет собой социальную роль в традиционном значении некоторого образа, который человек принимает в процессе социализации и затем транслирует в неизменном виде в течение всей своей жизни. Отцовство – это динамичный процесс «делания» или «становления», в котором реализуется мужская эмоциональность, дрейфующая от власти (доминирования) к любви и обратно [Macht 2020, 19, 146]. Поэтому стремление к поддержанию (и отражению) современных социальных трансформаций отцовства в контексте актуального научного дискурса должно способствовать нормализации концепта «отцовская любовь» как обладающего значительным эвристическим потенциалом. «Отцовская любовь» должна быть, наконец, принята всерьез, должна быть включена в научный дискурс.

Необходимо отметить также, что вовлеченное отцовство и его проблемы за последние десятилетия стали предметом специального изучения и среди представителей российского научного сообщества [Безрукова 2012; Борисенко 2018; Звонарева 2019; Кон 2009; Подкладова 2016; Рождественская 2010; Шевченко 2010; Янак 2018]. В контексте развития этого направления социальных наук применительно к российскому обществу исследователи фиксируют некоторую противоречивую ситуацию. С одной стороны, общемировая тенденция, связанная с плюрализацией мужских и отцовских практик, фиксируется и в российском обществе. Благодаря этому обстоятельству исследователи могут утверждать, что в российском обществе, так же, как и в мире в целом, наблюдается некоторый «сдвиг» в сторону практик вовлеченного отцовства, а также постепенное дистанцирование от традиционных стилей отстраненного и авторитарного отцовства [Рождественская 2020, 170; Безрукова, Самойлова 2019, 104]. При этом специфика российского культурного

контекста связана с поддержанием образа традиционной маскулинности в социальном дискурсе, который применительно к пространству семейных отношений выражается в идеале отца, занятого в первую очередь реализацией функций дисциплинарного контроля, а также материального обеспечения. В результате российские мужчины сталкиваются с противоречащими друг другу социальными сигналами, порождающими растерянность и постоянную неудовлетворенность собственной ролью мужчины и отца, поскольку критерии успешности в этом вопросе (в отличие, например, от критериев профессионального роста и материального благополучия) остаются непонятными большинству мужчин. Такая ситуация «культурного микса» провоцирует развитие следующего социального парадокса: «Отцов ждут, чтобы они одновременно обеспечивали семью, и много времени уделяли ребенку и жене, а это почти невозможно физически» [Шевченко 2021, 119; Безрукова, Самойлова 2019, 92]. В результате отцы, осознающие всю сложность своего положения, становятся более рефлексивными относительно природы мужественности и отцовской роли как таковой. Таким образом, в российском обществе значительная часть мужчин выходит на новый уровень осознанного отношения к отцовству именно вследствие ощущаемых в социальном контексте фундаментальных противоречий. При этом, как отмечают российские исследовательницы отцовства О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова, именно у отцов, прошедших через серьезный опыт рефлексии над своей социальной ролью, формируется «собственный сценарий» отцовского поведения, для которого, как правило, характерно положительное отношение к таким аспектам отцовства, как любовь к детям и радость от общения и любви ребенка [Безрукова, Самойлова 2019, 99].

Таким образом, можно констатировать, что как зарубежные, так и российские исследования современных норм и практик отцовского поведения обращаются к понятию эмоциональной теплоты в отношениях между мужчиной и его детьми как одному из самых значимых компонентов становления вовлеченного стиля родительского поведения. И тем не менее концепт «отцовской

любви» остается маргинализированным вследствие фемининных коннотаций любви в научном (социологическом, социально-философском) и, более широко, социальном контексте.

Причины рассматриваемой ситуации должны быть осмыслены в более широкой социокультурной и социально-философской перспективе, тесно связанной со становлением категорий «мужественность» и «отцовство» в классическом философском дискурсе [Хитрук, Быков 2024а; Хитрук, Быков 2024б]. Именно указанная перспектива раскрывает метафизические причины бинаризации эмоциональной сферы в контексте рассуждения о противостоянии друг другу мужского начала как воплощения разумного и духовного аспекта реальности и женского начала как воплощения чувственного, телесного и, соответственно, эмоционального аспекта. Именно эти метафизические корни, уходящие вглубь интеллектуальной истории человечества, препятствуют легитимации мужской эмоциональности и «отцовской любви» в контексте современных исследований вовлеченного отцовства и, как следствие, именно они должны быть подвергнуты в современном социально-философском и социологическом дискурсе критическому переосмыслению. Это сложная задача для профессионалов, специалистов в данных областях знания, которая требует к себе серьезного отношения и может быть решена только благодаря последовательному внедрению концепта «отцовская любовь» в пространство научного дискурса как такового. Игнорирование указанной задачи создает риск не только в плане поддержки устаревших стереотипов, но и в плане отсутствия адекватного категориального инструментария для «схватывания» одного из самых значительных явлений, касающихся современной трансформации норм и практик отцовского поведения. Это явление заключается в утверждении концепта «отцовская любовь» в ненаучном, собственно социальном дискурсе, порожденном опытом рефлексии самих отцов, активно использующих понятие «любовь» для описания глубинной значимой связи с собственными детьми, связи, делающей опыт отцовства бесценной составляющей их личного «счастья»

даже в ситуации смысловой и ценностной неопределенности.

Исследование, в рамках которого стало очевидно, что понятие «любовь» уже довольно широко применяется мужчинами для описания глубины собственного опыта отцовства, было проведено в рамках проекта РНФ «“Вовлекающая отцов”»: теоретико-методологические основания преодоления феномена “отсутствующее отцовство” в современном российском обществе». Сам проект предполагал совмещение социально-философского и собственно социологического подходов к изучению норм и практик отцовства в современном российском обществе. Социологическая составляющая проекта выражалась в проведении исследования с применением качественной методологии, включая нарративные и полуструктурированные интервью с отцами разного возраста, а также фокус-групповое интервью. Всего в исследовании приняли участие 38 человек. Была использована неслучайная целевая выборка, при этом были учтены такие параметры, как количество детей, наличие или отсутствие супруги, нахождение в предразводном состоянии или в ситуации развода, нахождение респондента в первом или повторном браке, специфика профессиональной деятельности, социальный статус и уровень дохода. Основные результаты исследования касаются разработки теоретико-методологических оснований стратегии укрепления феномена вовлеченного отцовства в современном российском обществе. И одним из немаловажных аспектов указанных результатов для коллектива стало открытие значимости для самих отцов такого компонента их отцовского опыта, как «отцовская любовь».

Таким образом, необходимо выявить связь между ситуацией смысловой неопределенности относительно сути мужской и, соответственно, отцовской роли в современной социальной ситуации и повышением уровня осознанности, рефлексии относительно отцовской роли среди респондентов. Именно осознанность и рефлексия, в свою очередь, нередко приводят мужчин к применению концепта «отцовская любовь» в отношении глубинного эмоционального основания своей отцовской привязанности.

Проблема «размытости ролей»

Сегодня все перемешалось, как будто кто-то все смешивает.

Из интервью

Начнем с описания ситуации самой смысловой неопределенности, выражающейся в некоем «смешении» социальных ролей мужчин и женщин, которое фактически в опыте респондентов ставит под сомнение традиционалистские представления о доминирующем положении мужчин в семье и обществе. Данная ситуация в процессе исследования проявлялась постепенно. В самом начале процесса интервьюирования мужчины, как правило, проговаривают именно традиционалистские представления о различиях полов и только после того, как от витиеватых «абстракций» респонденты переходили к анализу собственного жизненного опыта, можно было оценить глубоко противоречивую ситуацию того «культурного микса», о котором уже говорилось выше и который образует собой конкретный жизненный контекст отцовских практик значительной части современных российских мужчин.

Так, например, в качестве ключевых характеристик мужской социальной роли респонденты приводили такие качества, как «сила», «контроль», «материальное обеспечение», «лидерство». При этом, переходя к анализу собственной жизненной ситуации, отцы признавались, что сами не являются примером реализации подобных качеств, особенно в сравнении с супругой.

У меня представление всегда о том, что мужчина все-таки это добытчик в семье. Добытчик, человек, который должен зарабатывать и обеспечивать свою семью. Но, как ни странно, у меня это не получается... Я вот перед нашим интервью думал, зная тему интервью, я думал о том, что если бы у меня жена не зарабатывала, то мы бы, наверное, на улице реально жили просто. Мы бы, наверное, реально жили на улице просто без жилья и ни на что бы денег не хватало. Поэтому в этом плане я, как отец, не очень реализованный (м., 40 л., воспитывает троих детей, во втором браке).

Мужчина это в первую очередь человек, который ведет за собой. Это как в жизни, так и в

семье. Недавно ребенок мне задал вопрос такой: «Пап, а почему, когда мы выходим, ты забираешь все пакеты у мамы?» Либо это не мама, бабушка, ну, любая женщина, которая рядом со мной идет, я всегда забираю все тяжелое. Я ему говорю: «Сынок, потому что **по природе мужчина сильный, девушка слабая...** У меня жена – **очень сильный человек**, я бы даже сказал, во многих местах **она сильнее меня** даже, то есть она очень хороший руководитель, она большой пост занимает, как бы, руководит примерно таким же количеством людей, как и я. То есть конкурент такой довольно сильный... Мы договариваемся просто-напросто, везде и всюду, где у нас недопонимание, мы всегда договариваемся, и она принимает такую позицию, что мужчина должен быть сильный, она замужем, для нее это важно, она именно так и говорит, я замужем, то есть, она за мной, понимаешь? И ей это удобно. Она тоже девочка, хотя сильная» (м., 39 л., предприниматель, двое детей, во втором браке).

Указанная неопределенность в большой степени касается и эмоциональной сферы. В начале интервью, отвечая на вопрос о том, чем именно мужчины отличаются от женщин, большинство респондентов приводили в пример эмоциональность как отличительную черту именно женского пола, в то время как для мужчин характерны рассудительность и эмоциональная сдержанность.

Женщина она более эмоциональная, и какие бы решения она ни принимала, на первую очередь, на первый план выходят эмоции. Мужчина, как бы, может эти эмоции маленько сдерживать... (из фокус-группового интервью).

Однако, как только респонденты переходили к иллюстрации этого «очевидного» и «естественного», с их точки зрения, различия, абстрактная определенность тут же сменялась сложностью и неопределенностью конкретного жизненного опыта. В первую очередь образ женщины как эмоционально несдержанной и «руководствующейся инстинктами» иррациональной особы «таял» в повествовании респондентов при описании организации быта в семье. Отцы указывали на то, что женщины проявляют исключительные организаторские способности при планировании семейного быта, учитывая множество факторов, «держа в голове» множество нюансов. Без такого рационального планирования, по признанию мужчин, семья попросту не могла бы существовать.

У нее каждый день ежедневный такой список из 15 пунктов, что надо сделать, у нее все четко, прям поминутно все расписано. Просто это мозг реального человека (из фокус-группового интервью).

*У нас жена все-таки это как-то больше забота, она заботится обо мне, о детях заботится, то есть самые элементарные какие-то покупки там, еще что-то, там очаг вот это вот создать. Да я не говорю, что она там у меня вечно там везде и всюду убирается и готовит. Нет, она мне практически не готовит, убирается у нас экономка, но **она это организует все**. То есть мне домой комфортно приходить, я прихожу с удовольствием, у меня создан очаг. Дети ее обожают, то есть **она четко знает**, когда кому выпить какую-то витаминку там или еще что то, когда я заболел, к примеру, я практически не люблю лекарства, она мне **четко график установит**, когда мне и что выпить надо, так же и с детьми (м., 39 л., во втором браке, предприниматель, воспитывает двоих детей).*

Таким образом, противоречивые представления мужчин о распределении ролей в семье могут быть выражены примерно следующим образом: все женщины слабые, но моя жена сильная; все женщины ведомые, но моя жена – лидер; все женщины эмоциональные, но моя жена рассудительна. Противостоящие друг другу элементы этой антиномии не могут быть сняты в сознании мужчин, как нам представляется, вследствие того, что первый элемент тесно связан с самим определением мужественности, которая традиционно понимается именно как характеристика превосходства. Если мужчина откажется от такой трактовки маскулинности, он рискует потерять саму смысловую основу собственной идентичности, поскольку других категориальных схем в его распоряжении попросту нет. В то же время, если он остановится только на поддержке традиционалистского дискурса мужского доминирования, то потеряет возможность выстраивать доверительные и нежные отношения с собственной супругой, в постоянном диалоге с которой, по признанию большинства респондентов, и осуществляется их семейная жизнь. Умение договариваться друг с другом, слушать друг друга, проявлять взаимную нежность мужчины признают основой своего личного и супружеского счастья. Поэтому именно дрейф между противоречивыми смыс-

лами мужественности и представляет тот самый «культурный микс», в котором реализуются мужчинами стратегии их мужского и в частности отцовского поведения.

Но если ты находишь свое, свою женщину, ты обретаешь бесценный клад... Если бы об этом рассказывали. Если бы об этом доносили, что в этом твоя реализация как мужчины, в этом настоящее счастье. Не исходя из неких нравственных норм или еще чего-то, а потому что это правда жизни такая (м., 53 г., предприниматель, отец 5 детей, состоит во втором браке).

Концепт «отцовской любви» как необходимый элемент преодоления «размытости ролей»

Отцовская любовь — это счастье, важный вид счастья.

Из интервью

Рассмотренные выше противоречия, таким образом, находят свое разрешение в сознании современных мужчин не столько теоретическим образом, сколько практическим путем, посредством интуитивного движения в сторону подлинного (то есть конкретно-жизненного, не отвлеченно-теоретического) «мужского счастья». И одной из основных составляющих этого движения является осознание значимости эмоционального измерения отношений между отцами и детьми, измерения, которое сами отцы обозначают выражением «отцовская любовь».

Подходя к описанию этой важнейшей компоненты отцовского опыта, хотелось бы избежать традиционного романтизированного контекста при употреблении понятия «любовь». «Отцовская любовь» вовсе не означает «восторженное» и «иррациональное» состояние, преобразующее сложный и противоречивый жизненный опыт, образно выражаясь, в безоблачную страну розовых единорогов. Напротив, будучи глубинным измерением жизненного опыта как такового, осознание значимости «отцовской любви» зачастую оказывается связано для мужчин со сложным путем становления отцом через разочарования, боль, отчаяние, тоску и разлуку (в последнем случае речь идет о переживаниях в си-

туации развода). В своих интервью некоторые отцы рассуждали о том, как их поверхностное ощущение «счастья» («крылья за спиной», «кайфово было») непосредственно после рождения первого ребенка постепенно по мере усложнения самой жизненной ситуации (развод, второй брак, появление третьего и более ребенка) преобразовывалось в ощущение усталости, безысходности, неудовлетворенности («ощущение мясорубки многолетнее», «жгучая боль», «распятие»). И уже эти тяжелые переживания заставляли задуматься и переосмыслить порой весь свой жизненный опыт, включая и опыт детства, отношения в родительской семье, что и приводило в итоге к пониманию важности эмоциональной сферы в детско-родительских отношениях, важности «отцовской любви».

В своих поисках, что такое человеческое счастье, что такое целостный человек, ну, если ты чуть-чуть в глубину идешь, опять же, возвращаешься, ну, ты приходишь к тому, что мы все родом из детства, и образ любящего отца, образ любящей матери, это то, что закладывает основу, ну, любого человека, целостного человека, не травмированного, реализованного в жизни, гармоничного, спокойного, наполненного (м., 53 г., предприниматель, отец 5 детей, состоит во втором браке).

Открывая, таким образом, для себя значение «отцовской любви», мужчины начинают стремиться к тому, чтобы сделать это открытие не только достоянием своей собственной семьи, но и достоянием своих родителей, отцов, которые зачастую, по воспоминаниям респондентов, в их детстве были слишком закрытыми эмоционально, «зажатыми», отстраненными, авторитарными, жестокими.

Мой отец, он очень далек был от идеального отца всегда — в моем детстве, в моем отрочестве, и только сейчас он начал раскрываться как дедушка, уже после появления внуков, то есть больше стал контактировать с этими детьми, реально уделять время им, потому что никогда времени не хватало, и по-настоящему стал раскрываться как отец, в том числе и для меня. Мой отец никогда не проявлялся в словах, вообще никогда, только сейчас я его раскрыл, и потихоньку раскрываю, раскрываю, раскрываю, и он научился обниматься, такого никогда не было. Он на прошлом дне рождения, вот так я его раскры-

вал потихоньку, даже на дне рождения у мамы он открыто сказал, что вот «я тебя люблю» (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Таким образом, именно любовь постепенно начинает осмысляться как ключ к обретению подлинного человеческого и в частности мужского (отцовского, сыновнего) счастья. Еще раз подчеркну, речь не о «бабочках в животе», но о глубине отношений, глубине жизни, «правде» жизни.

Все на любви строится, это основа. Ну а дальше, не знаю, стараться, стараться с каждым новым днем становиться, наверное, лучше, чем ты был еще вчера, это, по крайней мере, наверное, работает (м., 37 л., в браке, воспитывает двоих детей, индивидуальный предприниматель).

Интересно, что вместе с открытием важности эмоционального измерения отношений между отцами и детьми, многие мужчины приходят и к осознанию значимости тактильного проявления любви. Нежность, выражаемая в объятиях и прикосновениях, как важная составляющая мужской эмоциональной открытости без всякого сомнения должна быть отнесена к достижениям того социального и культурного «сдвига» в развитии норм и практик отцовского поведения, который в современной научной литературе принято называть «отцовской революцией». Сами отцы, рассуждая вне собственно научного контекста, понимают глубину и серьезность этого культурного «сдвига». Фактически этот процесс базируется на нарушении целого комплекса «табу», связанных с представлением о мужественности и отцовстве как категориях, предполагающих эмоциональную и тактильную отстраненность.

Вот я Милане, дочке младшей, рассказал, что она про деда спросила. Я говорю: «Вот смотри, когда дедушка твой был маленький, у него был папа, мой дедушка. И он был очень строгий, он никогда не обнимал твоего деда, не говорил ему, что он любит, и он, потом, когда вырос, он меня никогда не обнимал и тоже мне не говорил об этом». Я говорю: «Поэтому ты его обнимай и говори, что ты любишь, и ему этого не хватает». И она к нему подходит, обнимает деда и ему рассказывает: «Вот я теперь тебя буду обнимать» (м., 40 л., во втором браке, воспитывает троих детей).

Таким образом, для значительной части современных отцов становится очевидным тот факт, что любовь и нежность представляют собой фундамент детско-родительских отношений. Кроме того, отцы сами признают, что такое представление об отцовстве является достижением (открытием) именно их поколения, обретенным в результате серьезной и глубокой рефлексии относительно собственного жизненного опыта, а также опыта своих родителей. Это открытие должно, по их мнению, в итоге преобразить не только их собственный жизненный путь, но и повлиять на жизнь их детей, а также на жизнь их еще здравствующих родителей.

Я считаю, что я, ну это, конечно, субъективно, но я считаю, что я один из лучших отцов сейчас, потому что я уделяю много внимания детям и даю много любви, много общения, ну, как минимум, там, я много раз это делал, больше, чем мне давали в детстве (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Одной из серьезных проблем для отцов становится вопрос о том, как именно можно передать это открытие следующим поколениям. В процессе интервью респонденты нередко сетовали на то, что в современном российском обществе отсутствуют механизмы передачи такого рода опыта от одного поколения другому. Система образования, например, перегружает, по мнению отцов, ребенка самой разной информацией, оставляя при этом в стороне самое важное.

Мы в школе все знаем, блин, сороконожку, треножку, как там что отслаивается, спирт, все знаем. Но мы не знаем, как строить отношения. Мы не знаем ни черта про любовь, про чувства (м., 40 л., предприниматель, отец двоих детей).

Одним из выходов в этом отношении некоторые отцы признают формирование некой «мужской среды», где мужчины, обладающие «правильными» взглядами на жизнь, становятся примерами для представителей более младшего поколения, не воспитывая и поучая, но «вдохновляя» и «пробуждая» молодых мужчин перенимать у старших положительный опыт, выстраивать собственную жизнь, изначально ориентируясь не только на материальные блага и профессиональное со-

вершенство, но и на построение отношений, основанных на любви с родителями, супругой, детьми.

Отец должен передать умение любить, любить своих близких, свою семью, свою жену, своих родителей. Любовь это одно из очень важных качеств. Если, допустим, дети не видят любви в семье, как мать с отцом обнимаются, как они общаются, то есть именно этого душевного общения в семье, то они, на мой взгляд, как раз таки могут неполноценно расти. То есть, может быть даже это не родители, но хотя бы кто-то должен быть, бабушка, дедушка, любящие. То есть они должны испытывать любовь (м., 40 л., воспитывает троих детей, состоит в браке).

Заключение

Подводя итог исследованию норм и практик отцовского поведения в контексте осмысления концепта «отцовская любовь», можно сформулировать несколько значимых выводов:

1. «Отцовская любовь» представляет собой один из важнейших эффектов так называемой «отцовской революции», выражающейся в трансформации института отцовства в последней четверти XX – первой четверти XXI века. Как отмечала в своей установочной работе «Мужская сущность» знаменитая французская исследовательница мужественности Элизабет Бадентэр, смысл «отцовской революции» заключается в том, чтобы «произвести большие перемены для будущих поколений и принести новую мужественность, более разностороннюю и более тонкую, чем традиционная» [Бадентэр 1995, 289–290]. Тот опыт рефлексии, переосмысления детско-родительских отношений, который демонстрируют современные российские мужчины, выводит на первый план значимость эмоциональной открытости и теплоты как базиса выстраивания межличностных отношений в семье, в прямом смысле раскрывая ранее маргинализированные аспекты мужской идентичности, создавая более «тонкий» и «разносторонний» образ мужского и в частности отцовского поведения. Кроме того, вопреки распространенным в обществе и закрепленным в социальных науках стереотипам мужчины смело связывают эмоциональную теплоту и от-

крытость с понятием любви, трансформируя, таким образом, само смысловое поле отцовства, формировавшееся ранее в контексте биаризации эмоционального опыта и феминизации понятия «любовь».

2. «Отцовская любовь» представляет собой концепт, стремительно внедряющийся одновременно и в научный, и в социальный дискурс, можно наблюдать, как осознание значимости эмоционального аспекта отношений между отцами и детьми, с одной стороны, постепенно вызревало в рамках исследования феномена отцовской вовлеченности в контексте социальных наук при поддержке как зарубежных, так и российских исследователей мужественности и отцовства. С другой стороны, проведенное исследование показывает, как независимо от трансформаций в социальных науках осознание значимости «отцовской любви» формировалось в последние десятилетия и среди самих мужчин, которые, сталкиваясь в повседневном опыте смысловой неопределенности относительно понимания мужской и отцовской социальных ролей с необходимостью самостоятельного переосмысления опыта детско-родительских отношений, решительно обращаются к понятию «любви» для описания глубины своей эмоциональной связи с детьми, для описания своей надежды на мужское и отцовское счастье.

3. Указанные выше процессы, связанные с внедрением концепта «отцовская любовь» в социальный и научный дискурс последних десятилетий, происходят на фоне более сложного и глобального процесса распространения феномена «отсутствующего отцовства». Отечественная исследовательница И.С. Клецина определяет данное явление следующим образом: «“Отсутствующий отец” – это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец – это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми» [Клецина 2009, 38]. Исследованию философских и социокультурных корней этого сложного феномена посвящено немало работ зарубежных и российских авторов. В смысловом ключе данная тенденция не может быть признана по-настоящему новым явлением, поскольку

ку продолжает и развивает традиционное представление об отстраненном и дистанцированном отцовстве, хотя и в новых социально-экономических условиях. Традиционно нацеленный на карьерный рост, профессиональное совершенствование и увеличение материального благосостояния мужчина отстраняется от взаимодействия с собственными детьми, от деятельного и вовлеченного участия в их жизни, не видит ценности эмоциональной связи с ними, кроме прочего и по той причине, что в его арсенале отсутствуют такого рода смысловые коннотации мужественности. Классическая бинарная полоролевая схема предполагает противопоставление мужественности как нацеленности на внесемейную самореализацию и эмоциональную отстраненность и женственности как воплощения «материнского инстинкта», эмоциональной открытости, нацеленно-

сти на внутрисемейную реализацию. Представляется, что сама по себе легитимация концепта «отцовская любовь» в пространстве современных социальных наук, постепенное и осознанное включение этого концепта в поле научных дискуссий могли бы оказать положительное влияние и на сдерживание тенденции «потери отца» в современном обществе. Таким образом, мог бы быть сформирован более корректный категориальный аппарат, отражающий актуальные трансформации норм и практик отцовского поведения. Концепт «отцовской любви», таким образом, помимо прочего, может выступать в качестве действенного ресурса, «расшатывающего» бинаризирующие эмоциональность категориальные схемы и дающего самим мужчинам возможность осмыслить и принять эмоциональную теплоту как одно из важнейших измерений собственной мужской судьбы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадентэр 1995 – Бадентэр Э. Мужская сущность. М.: Новости, 1995.
- Безрукова 2012 – Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2012. № 3. С. 266–275.
- Безрукова, Самойлова 2019 – Безрукова О.Н. Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или Почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101.
- Борисенко 2018 – Борисенко Ю.В. Особенности ценностного отношения к отцовству детей вовлеченных и невовлеченных отцов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 24. С. 23–33.
- Звонарева 2019 – Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 2 (54). С. 127–134.
- Клецина 2009 – Клецина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3 (52). С. 29–41.
- Кон 2009 – Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Подкладова 2016 – Подкладова Т.Д. Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs. исключенность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1 (33). С. 107–112.
- Рождественская 2010 – Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
- Рождественская 2020 – Рождественская Е.Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155–185.
- Хитрук, Быков 2024а – Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Отцовство Божественное и отцовство человеческое: социально-философские основания «отцовской революции» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 152–164. DOI: 10.17223/1998863X/81/14
- Хитрук, Быков 2024б – Хитрук Е.Б., Быков Р.А. Теоретико-методологические основания исследования отцовства // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 165–180. DOI: 10.17223/1998863X/79/15
- Шевченко 2010 – Шевченко И.О. Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник РГТУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3 (46). С. 278–286.

- Шевченко 2021 – Шевченко И.О. Тенденции и противоречия в развитии института отцовства в современной России / III Всерос. демограф. форум с междунар. участием: материалы форума, Москва, 3–4 декабря 2021 года. М.: Федер. науч.-исслед. социол. центр РАН, 2021. С. 117–120.
- Янак 2018 – Янак А.Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 124–131.
- Lamb et al. 1985 – Lamb M.E., Pleck J.H., Charnov E.L., Levine J.A. Paternal Behavior in Humans // *American Zoologist*. 1985. № 25. P. 883–894.
- Macht 2020 – Macht A. *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford. Palgrave Macmillan, 2020.
- Pleck 1987 – Pleck J.H. *American Fatherhood: A Historical Perspective* // *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. 1987. Newbury Park, CA: Sage. P. 83–97.
- Pleck, Lamb, Levine 1985 – Pleck J.H., Lamb M.E., Levine J.A. Facilitating Future Change in Men's Family Roles // *Marriage and Family Review*. 1985. № 9 (3–4). P. 11–16.
- Pleck 2012 – Pleck J.H. *Integrating Father Involvement in Parenting Research* // *Parenting: Science and Practice*. 2012. № 12 (2–3). P. 243–253.

REFERENCES

- Badentèr È., 1995. *The Male Identity*. Moscow, Novosti Publ.
- Bezrukova O.N., 2012. Practice of Responsible Fatherhood: “Daddy-School” and Social Capital. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sociologiya*, no. 3, pp. 266–275.
- Bezrukova O.N. Samoylova V.A., 2019. “Eager Dads” and “Dads Against Their Will”, or Why Russian Dads Are Reluctant to Go on Parental Leave? *Sociologicheskiye issledovaniya*, no. 7, pp. 90–101.
- Borisenko Yu.V., 2018. Specificity of Value Attitude Towards Paternity of Children of Engaged and Non-Engaged Fathers. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, vol. 24, pp. 23–33.
- Zvonareva A.Ye., 2019. Theoretical and Methodological Foundations of Research into of Paternity Practices. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki*, no. 2 (54), pp. 127–134.
- Kletsina I.S., 2009. Fatherhood in Analytical Approaches to the Study of Masculinity. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 3 (52), pp. 29–41.
- Kon I.S., 2009. *A Man in a Changing World*. Moscow, Vremya Publ.
- Podkladova T.D., 2016. The Man-Father in the Family and in the Society: Involvement vs. Exclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 1 (33), pp. 107–112.
- Rozhdestvenskaya Ye.Yu., 2010. Fatherhood: A Liberal Trend from “Father” to “Daddy”? *Sociologicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 75–89.
- Rozhdestvenskaya Ye.Yu., 2020. Involved Fatherhood, Nurturing Masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i socialnye peremeny*, no. 5, pp. 155–185.
- Khitruk E.B., Bykov R.A., 2024a. Divine Fatherhood and Human Fatherhood: Socio-Philosophical Foundations of the “Paternal Revolution”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 81, pp. 152–164. DOI: 10.17223/1998863X/81/14
- Khitruk E.B., Bykov R.A., 2024b. Theoretical and Methodological Foundations for the Study of Fatherhood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 79, pp. 165–180. DOI: 10.17223/1998863X/79/15
- Shevchenko I.O., 2010. Fatherhood: Actual Problems of Sociological Researches. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie*, no. 3 (46), pp. 278–286.
- Shevchenko I.O., 2021. Trends and Contradictions in the Development of the Institution of Fatherhood in Modern Russia. *The 3rd All-Russian Demographic Forum with International Participation: Forum Materials, Moscow, December 3–4, 2021*. Moscow, Feder. nauch.-issled. sotsiol. tsentr RAN, pp. 117–120.
- Yanak A.L., 2018. Father Involvement in Different Types of Families. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki*, no. 2 (50), pp. 124–131.
- Lamb M.E., Pleck J.H., Charnov E.L., Levine J.A., 1985. Paternal Behavior in Humans. *American Zoologist*, no. 25, pp. 883–894.
- Macht A., 2020. *Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions*. Oxford, Palgrave Macmillan.
- Pleck J.H., 1987. *American Fatherhood: A Historical Perspective. Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA, Sage, pp. 83–97.

Pleck J.H., Lamb M.E., Levine J.A., 1985. Facilitating Future Change in Men's Family Roles. *Marriage and Family Review*, no. 9 (3-4), pp. 11-16.

Pleck J.H., 2012. Integrating Father Involvement in Parenting Research. *Parenting: Science and Practice*, no. 12 (2-3), pp. 243-253.

Information About the Author

Ekaterina B. Khitruk, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2522-3070>

Информация об авторе

Екатерина Борисовна Хитрук, доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, lubomudreg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2522-3070>